Текст · 16 мая 2025, 08:15
Никита Сологуб,

Завербоваться из СИЗО — дезертировать — бежать в Европу. Случай сержанта Рахимова

Откровенное везение, хорошо подвешенный язык, помощь случайных людей и знакомого силовика помогли сержанту Амиру Рахимову бежать из штурмового отряда, где командиры забирали у бойцов карточки, рассчитывая, что с боевого задания они не вернутся. Путь от СИЗО под Самарой, откуда Рахимов завербовался в армию, до лагеря для беженцев во Франкфурте у него занял всего три месяца. Оказавшись на свободе, дезертир рассказал свою историю «Медиазоне».

Вечером 5 января 2025 года Сергей Иванов[1] из донбасского города Енакиево, расположенного в нескольких километрах от линии фронта, увидел необычный вызов в местном чате таксистов в вотсапе. Пассажир просил забрать его из кафе, стоящего на трассе из Донецка в Луганск, где по ночам ходят только военные машины и танки, и довезти до центрального рынка. Иванов удивился, потому что знал, что в такой поздний час кафе уже давно не работает.

Весь тот день таксист потратил на семейные дела и пока еще не принимал заказы. Хоть вызов и выглядел странно, Иванов рассудил, что лучше заработать хоть немного на бензин, и сел в машину. Сыграло и любопытство — ему было интересно, кто ждет машину на трассе в такой час. «Когда я вот этот заказ

взял, у меня было какое-то ощущение внутри, что надо поехать», — говорит он сейчас.

В темноте Иванов увидел на дороге молодого человека в камуфляже и без оружия. На улице был легкий минус. Когда пассажир сел в салон, таксист разглядел, что одежда и лицо у него все в пыли, как от долгой дороги. Военный стал задавать вопросы о жизни в Енакиево: он явно «пробивал почву», как показалось водителю. Иванов поддерживал беседу, но о том, как молодой человек оказался на трассе, решил не любопытствовать. О себе военный не распространялся — сказал только, что на рынок ему нужно «по делам».

Таксист подумал, что его пассажир — военный из одного из подразделений, стоявших в лесопосадках неподалеку от города. Иванов предложил записать его номер на случай, если солдатам понадобится доставка продуктов или сигарет. Записав номер телефона, пассажир позвонил кому-то, продиктовал его, и на счет водителя поступил перевод за поездку.

Иванов не успел уехать далеко, когда военный перезвонил ему. «Это я, говорит, — вспоминает водитель. — Ты только что меня подвозил. Можешь подъехать? Я говорю: "Ну давай. Ты все свои дела сделал?". "Да, сделал". Ну я приехал, и он выложил, как есть. Говорит, я с фронта уехал, с собой ничего нет. Говорит, я голодный очень сильно, чуть ли два дня не ел. Говорит, поехали, там, возьмем мясо, пиво, и все расскажу».

Иванов поверил ему и отвез в гараж на своем участке в Енакиево. Рассказ о побеге с фронта он слушал до глубокой ночи.

«Я понял, что мне просто нужно идти, не оборачиваясь». Как оторваться от сослуживцев на линии фронта

Рота Амира Рахимова[2] действительно стояла в лесопосадке недалеко от Енакиево. Набранная из бывших заключенных рота состояла в штурмовом отряде одного из мотострелковых полков[3].

На войну Рахимов ушел из СИЗО в Самарской области. В конце ноября 2024-го заключивших контракт с Минобороны осужденных перевезли в прифронтовую зону, и с 25 ноября по 26 декабря, по словам Рахимова, они проходили там подготовку — командиры учили стрелять, метать гранаты, тренировали физическую выносливость.

Из лесопосадки в Енакиево роту увезли в Селидово — ближайший на тот момент[4] к линии боевого соприкосновения город под контролем России. Там, по его словам, бывших заключенных расквартировали в уже разрушенных домах, в которых когда-то жили мирные украинцы. В одном из домов сослуживцы встретили Новый год.

«4 января утром рано нас на уазиках все уже, повезли в лесополосу, ночевать. Там мы сутки были. И рано утром, часов в 5 утра, все — вышли на штурм», — вспоминает Рахимов. По словам военного, он

оказался в первой штурмовой группе вместе с пятью сослуживцами. Им поставили задачу зайти в блиндаж противника.

Украинцев внутри не оказалось, рассказывает Рахимов, так что когда штурмовики дошли до позиции, командир приказал ждать подкрепления. Но сначала по блиндажу стал работать миномет, а потом украинские операторы навели на него дроны. Один из них разорвался на входе в блиндаж. Штурмовиков обдало взрывной волной, но все остались живы.

«Пелена белая спадает после контузии. Открываешь глаза, перед тобой уже чистое небо — и бежишь, убегаешь оттуда», — говорит он. После взрыва отряд пошел обратно в лесопосадку, к своему подразделению. Солдат вспоминает, что по пути думал предложить сослуживцам «пропасть с радаров», но те остановились перед ближайшим блиндажом с другими российскими военными. Тогда он понял, что вместе уйти не получится, и решил бежать в одиночку.

Сейчас Амир Рахимов говорит, что стал отставать от группы как будто неосознанно для себя: «А потом они остановились у блиндажа и я понял, что мне просто нужно идти, не оборачиваясь. Мы шли назад, шли назад, и все — я понимаю, что они ушли. Я кричал, типа, пацаны, вы где? Но в ответ уже ничего не слышал. А когда они оторвались, я сначала расстроился, но потом понял — ну значит это мой путь». Он пошел в сторону, противоположную от занятых сослуживцами блиндажей. Для ориентирования на

местности он пользовался армейскими картами, загруженными в телефон, который ему выдали в части[5].

Пройдя не больше четырех километров, бывший заключенный решил отдохнуть в кустах у дороги и дождаться темноты, а потом уже на свежую голову попытаться выбраться с фронта.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Арест в Москве — СИЗО в Самарской области — самолет в Ростов-на-Дону — кусты под Селидово

По словам Амира Рахимова, еще в СИЗО в Самарской области он узнал, что даже на фронте можно «потеряться», поэтому сразу согласился, когда оперативники стали уговаривать его подписать контракт с Минобороны. Он уверяет, что свою подпись изначально воспринимал как способ уйти от проблем[6], заложником которых он сделал себя сам.

В СИЗО он попал в феврале 2024 года, когда ему не было и 30 лет[7]. До этого и подумать не мог, что станет заключенным. Рахимов окончил школу и университет в Москве, отслужил срочную службу, довольно рано женился и стал многодетным отцом, работая на простой, но неплохо оплачиваемой работе.

Но за пару месяцев до ареста Амир поругался с женой[8] и, как признается сам молодой человек, «пошел на блядки».

В приговоре, по которому Рахимову дали восемь лет колонии, утверждается, что он вместе со знакомой хранил на съемной квартире несколько десятков грамм мефедрона с целью сбыта. Сам он настаивает, что мефедрон его уговорила купить сама новая подруга — для совместного употребления, чтобы хватило надолго — а потом дала на него показания и тем самым избежала уголовного дела и осталась в нем свидетельницей. Так или иначе, после всех судов Рахимов оказался в СИЗО в Самарской области.

В конце ноября 2024 года Амир Рахимов подписал контракт. Одновременно с ним из СИЗО, по его словам, уехали 11 заключенных. Сначала их увезли в аэропорт Самары — там стоял борт[9], собиравший заключенных из окрестных мест лишения свободы. Из Самары борт улетел неполный, и приземлился еще и в Саратове. Там заключенных стало так много, что многим пришлось лететь до Ростова-на-Дону на полу самолета, рассказывает Рахимов.

В ростовском аэропорту заключенных посадили в КАМАЗы, и через четыре часа они оказались в распределительном пункте под Луганском. Там Рахимов, по его словам, пробыл три дня — заключенным выдавали форму, оружие, военные билеты[10]. Из-за опыта срочной службы Рахимова зачислили младшим сержантом[11]. За этим последовали месяц обучения, встреча Нового года, первый штурм и бегство от сослуживцев, и вот

Рахимов уже спит в кустах в нескольких километрах от линии боев.

Пешком и на попутках в Енакиево. Как отбрехаться от военной полиции

Оторвавшись от сослуживцев и поспав несколько часов, Амир Рахимов вышел на дорогу. Вскоре он встретил мотоциклиста из другого подразделения, возвращавшегося в Селидово, где еще недавно штурмовики встречали Новый год.

«Я его тормознул, говорю: "Подвезешь?" — вспоминает Рахимов. — "Подвезу". Он сам ехал с какой-то задачи, довез кого-то до лесопосадки. Конечно, он меня спросил, куда я еду. Ну я брехню всякую наговорил: что я в подразделении радиоэлектронной борьбы, забыл какой-то определенный блок управления. Командир роты мне дал пизды и сказал: "Если ты сейчас самостоятельно мне не родишь этот блок, я тебя обнулю". А это означает, что пиздуешь в подразделение и возвращаешь то, что забыл. Ну, дело военное, на войне такое бывает. И мы поехали».

В Селидово беглец наконец-то умылся и немного привел себя в порядок, а потом снова пошел на дорогу — уже на трассу, ведущую на Донецк. Она не выглядела безопасной: по трассе ездили и сами военные, и военная полиция, но другого пути не было.

Сержант говорит, что сперва он поймал несколько попуток, которые провезли его всего по два-три километра. Но вскоре остановилась машина

с молодыми военными, ехавшими прямо до Авдеевки. Рахимов вспоминает, что назвал им свое настоящее подразделение и рассказал, будто едет на самостоятельную эвакуацию с небольшим ранением.

Такое было обычной практикой. Родственники военных из штурмовых подразделений не раз жаловались на отсутствие эвакуации раненых с фронта и необходимость покидать поле боя самостоятельно. Например, в феврале петицию, где упоминалось отсутствие эвакуации, публиковали родственники военнослужащих 71-го батальона спецназначения части 31814. А в апреле о возможности самостоятельной эвакуации при ранениях нижних конечной, представляющей собой «сложную дилемму», писал канал «СИЛОВИКИ».

«Якобы у нас не хватает автомобилей для эвакуации, — продолжает Рахимов. — Никого не смутило это, все же знают, что штурм пошел, что потери большие. Да и в целом, когда ты штурмовик, к тебе как бы понимающе относятся — штурмовики же первыми умирают».

В пути их остановила военная полиция: «Водитель, когда представлялся, он представился только своим подразделением — то есть не стал говорить, этот пацан оттуда, этот оттуда, никого это не интересовало».

Рахимову повезло, что полицейский не заметил автомат у него в ногах — водитель сказал проверяющему, что оружия у военных при себе нет.

Так он доехал Авдеевки, города в полусотне километров от Селидово. Там сержант, по его словам, закопал оружие, рацию и каску на одном из заброшенных участков. Оставшись в одной форме, Рахимов стал искать следующую попутку. Возле магазина он приметил молодых людей, разгружавших товар: «Пацаны видно местные, я им говорю — докиньте, а? Они вопросы мне задавать не стали. Сказали, что спокойно тебя отвезем, но на ближайшем КПП у всех проверяют документы, алгоритм такой. Просто так, без удостоверения личности, проехать не получится. Причем проверяют иногда с военной прокуратурой или полицией».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

С собой у бывшего заключенного была только копия военного билета — оригиналы всех его документов остались у командиров. Тогда Рахимов решил, что лучше идти пешком — по карте получалось, что примерно через 20 км он, минуя КПП, выйдет на ведущий к Енакиево участок дороги. По тем же военным картам, которые были загружены в его телефон перед штурмом, он проложил маршрут через лесопосадки, надеясь не встретить там других военных.

Но на половине пути Рахимов все же на них наткнулся. Он говорит, что прятаться не стал, а вместо этого пошел навстречу, назвал свое настоящее подразделение и показал копию военного билета.

Военные оказались ракетчиками, которым Рахимов «затер другую историю»: «Типа вот я, опять же, из подразделения радиоэлектронной борьбы, и вот мы стоим наверху Авдеевки в частном секторе, и у нас два потеряшки-беглеца. И командир роты дал мне пизды, сказал: "Если ты без них не вернешься, я вас троих, блять, завалю". И вот в таких же выражениях, по-армейски грубо, рассказываю это, и это всем им заходит». Ракетчики в рассказ поверили и пропустили сержанта, даже подсказав ему, как пройти в сторону дороги дальше.

Как правило, именно сослуживцы по приказу командиров ищут бежавших военных, подтверждает анонимный координатор проекта «Мобилизация ДНР Live». А в военную комендатуру для розыска обращаются только когда поиск по горячим следам результата не дал. «Таких военных, разыскивающих сослуживцев по приказу командиров, в ДНР действительно много», — говорит он. Поэтому рассказ Рахимова и не удивил ракетчиков.

Через несколько километров бывший заключенный встретил еще один отряд. В этот раз сержант сказал, что он сам — ракетчик на задании, только что вышел из лесополосы, оторвавшись от сослуживцев. «Я же от прошлых узнал, что тут ракетчики бродят, потому как только я это сказал, я им стал неинтересен, — вспоминает Рахимов. — "А, ну все, давай, иди". И все, это были мои последние сложности».

Ближе к ночи он наконец-то добрался до дороги и поймал военную «буханку». Этим военным, по словам Рахимова, он тоже представился солдатом

отряда радиоэлектронной борьбы в поисках забытого компонента. Уже через час он оказался в Енакиево.

Этот небольшой прифронтовой городок в 20 километрах от Горловки, который периодически попадает под удары украинской артиллерии, славится как место, в котором часто задерживают солдат, покинувших расположение части, говорит координатор «Мобилизации ДНР». «В Горловке расположена большая воинская часть[12], и я думаю,

что география работы вертухаев коррелирует с тем, где расположены воинские части и комендатуры», — говорит он.

На выездах из Енакиево стоят блокпосты, на которых часто вручают повестки о постановке на воинский учет. Военные полицейские проводят по местам скопления людей в Енакиево, например, рынкам, рейды в поиске бежавших военных, прикидывающихся гражданскими. Помимо блокпостов, иногда машины в городе выборочно останавливает военная автомобильная инспекция; военные в штатском проверяют у пассажиров документы. Объявления с фотографиями конкретных дезертиров и обещаниями вознаграждения даже публикуются в местных городских пабликах. «Мобилизация ДНР» называет повышенную активность в городе «незаконным отловом».

Енакиево — Донецк — «Пятерочка». Уйти с фронта помогут знакомства и деньги

«Енакиево — это мирный город. Где мир, где прям движуха и тусовки, и девчонки, и хату можно снять, и связь там ловит. Ну прям Лас-Вегас, нормально! Там можно потеряться, если есть деньги», — с восторгом рассказывает Рахимов. Проблема заключалась лишь в том, что денег у него не было. Поэтому, вызвав такси к кафе «Три пескаря» на трассе, он стал задавать водителю Иванову вопросы, пытаясь понять, можно ли тому довериться.

По словам Рахимова, после заключения контракта на его счет поступило 2 млн рублей[13]. Но доступа к деньгами у него не было, говорит Рахимов: он избавил себя от возможности пользоваться ими напрямую, чтобы деньги не отобрали командиры. Именно поэтому оплату поездки водителю Иванову перевела жена Рахимова.

Телеграм-чаты, в которых родственники военнослужащих обсуждают борьбу за их права, полны историями, когда командиры забирают у подчиненных банковские карты с пин-кодами. В одних случаях это наказание за провинность, в других оправдывается рациональностью, ведь штурмовики, у которых риск погибнуть больше, чем у кого-либо на фронте, могут просто не успеть воспользоваться деньгами.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

«У нас в подразделении никого в город не выпускали, поэтому деньги, по сути, мог снять только человек, который может выйти в город — то есть командир, — объясняет Рахимов. — Нас всех заставляли на своих банковских карточках писать пин-коды и отдавать

карточки. И вот когда приходят эти выплаты, они с этих карт едут обналичивать, и по полмиллиона с каждого оставляют — за одежду, за еду, за броню, за всякие носки, трусы, фонарики, ножи. За дроны, которых я даже не видел — за все обеспечение, которое понадобится для штурма ты заранее скидываешь. Я когда это понял, решил, что в этом участвовать не хочу, и разрезал свою карточку, а командирам сказал, что потерял».

За пару дней до выезда на боевое задание сослуживцы по требованию командира отвезли Рахимова в ближайшее отделение «Сбера», чтобы он восстановил карточку, продолжает бывший заключенный. Но в заявлении он указал не свой номер, а своей супруги. Она залогинилась в приложение и отправляла деньги супруга туда, куда он просил. Поэтому в Енакиево ему оставалось только найти человека, который согласится помочь ему обналичить деньги. Таким человеком и оказался таксист Иванов.

После совместных посиделок в гараже Иванов разрешил Рахимову переночевать прямо там, а наутро даже пустил в дом, полный детей — принять душ. В тот же день новые знакомые съездили в банкомат и сняли[14] 100 тысяч рублей с карты Иванова,

чтобы Рахимов смог купить одежду и сим-карту, арендовать жилье. По словам Иванова, он помогал Рахимову искренне — деньги с него брал только за поездки, разве что один раз согласился, чтобы тот купил сладости детям. «Я, честно, действовал без какой-либо выгоды. Мне было очень даже приятно помочь. Я чувствовал себя как бы нужным — хотя я и так себя так чувствую, потому что семья на мне», — объясняет таксист.

В посуточной квартире в Енакиево, которые там обычно ищут через группы «ВКонтакте» и телеграме, Рахимов наконец смог собраться с мыслями. На улицу он выходил только за шаурмой — опасался встретить кого-то из своих командиров, которые, как он знал, периодически наведывались в город.

Рахимов рассказал о побеге отцу и супруге. Отец посоветовал обратиться в проект помощи дезертировавшим «Идите лесом», но конкретный механизм выезда из ДНР там посоветовать не смогли. В отчаянии бывший заключенный даже изучил сайты в даркнете в надежде найти там предложения о фальшивых документах или транспортировке людей в каких-нибудь фурах — но ближайшие из них касались Донецка. Много предложений о перевозках из Донецка в Россию видел Рахимов и в телеграм-чатах, но выехать непосредственно из Енакиево не предлагал никто.

Город хоть и мирный, Енакиево стоял слишком близко к зоне военных действий, поэтому был окружен блок-постами с военными полицейскими и прокурорами, предупредил таксист нового знакомого. Тогда беглец начал обзванивать старых приятелей, с которыми был знаком с юридического факультета. Один из них оказался[15] сотрудником местного силового ведомства, направленным туда из Москвы, и согласился прислать в Енакиево служебную машину. 9 января машина без каких-либо препятствий отвезла его в Донецк, утверждает Рахимов.

В Донецке Амир Рахимов пробыл еще три дня — его приютил тот же знакомый по юрфаку силовик. Изучая местные чаты, сержант наткнулся на аккаунт, который регулярно постил[16] объявление: «Такси по ДНР, новым территориям; помогу выехать из зоны СВО». Решив, что риск оправдан, он написал автору объявления. Собеседник предложил за 200 тысяч рублей довезти его до определенной точки рядом с границей и предоставить подробную карту с инструкцией[17], по которой можно оказаться на территории России. Рахимов согласился и попросил жену перевести деньги по указанному номеру, утверждает[18] он.

«Когда ты уже выбрался с фронта, животный страх этот тебя покидает, страх смерти — и ты уже расслабляешься очень сильно. Ты не думаешь вперед, что будет. Я был готов сесть в тюрьму, сделать свой срок минимальным и продолжить сидеть. Но потом я нашел этих пацанов, их вариант сработал и я обалдел, — вспоминает Рахимов. — В России я сразу зашел в

нашу "Пятерочку". Купил сигарет и думаю — вау. Я в России».

Москва — Минск — Марокко — Германия. Почему важно надежно хранить загранпаспорт

Проконсультировавшись с «Идите лесом» и проехав на автобусах, такси и блаблакаре через несколько южных городов, Рахимов добрался до Москвы. Неделю он пил и отдыхал.

Задержание при аресте по делу о наркотиках происходило на съемной квартире, поэтому Рахимову повезло — его загранпаспорт все это время оставался дома у его родителей. Закончив со сборами, он написал на мать доверенность[19] и купил билет

на поезд из Смоленска в Минск. К отправлению добраться до Смоленска Рахимов не успел и стал искать попутку. Сейчас он считает, что ему повезло, потому что ехать на поезде более рискованно, чем на фуре дальнобощийка, при проверке которой пограничников интересуют документы только на груз, а не на пассажиров.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

23 января он улетел из Минска в Баку, а оттуда в Турцию. Рахимов мог бы попробовать остаться в Турции, но после долгих размышлений пришел к

выводу, что новую жизнь он здесь себе не построит — даже получить ВНЖ в стране было уже не так просто. Тогда он стал изучать вопрос о получении политического убежища в европейских странах. Выяснив, что в Германии, если у него получится получить этот статус, власти помогут ему выучить язык и выделят жилье, Рахимов решил попробовать попасть туда.

Шенгенской визы у него не было. Убежище можно было бы запросить у немецких пограничников на пересадочном рейсе, но случаи, когда на такие рейсы не пускали россиян без визы, были нередки. Тогда Рахимов узнал, что практика посадки на такой рейс зависит от конкретной страны — и в некоторых странах правила соблюдают не так тщательно, как в других. Он купил билет из Стамбула в Касабланку, а уже из Касабланки — в Белград, но с пересадкой во Франкфурте. 22 февраля он сдался пограничникам в аэропорту Франкфурта.

«На пересадке я пошел не в транзитный зал, а в сторону погранконтроля, — рассказывает Рахимов. — Я заготовил текст в телефоне, подхожу на погранконтроле и говорю, что требую политическое убежище. Меня отвели в полицию и пять часов со мной разговаривали. Спрашивали, почему я летел из Африки — в общем, поняли, что у меня была нужда хитростями долететь до Германии».

Сейчас он живет в лагере для беженцев в одной из немецких земель и ждет решения по его прошению об убежище. Деньги от российского Минобороны перестали поступать на счет Рахимова только в марте. Беглец надеется, что, пока он интегрируется

в Германии, в России его признают без вести пропавшим.

«Штурмовиков никто не признает погибшими так быстро, эвакуация у нас сейчас не так хорошо работает, чтобы точно понимать, кто умер, а кто нет. При этом все банковские карты, вся наличка остаются командиру роты, поэтому списки чистятся только через три-четыре месяца, а все это время командиры деньги за них снимают и благополучно обналичивают. Поэтому и я могу так проскочить и юридически не стать фигурантом уголовного дела», — так он объясняет свою мотивацию не называть публично свое настоящее имя, несмотря на пребывание в безопасной стране. Командиры действительно массово подают иски о признании бойцов без вести пропавшими — по подсчетам «Медиазоны», только за 2024 год в судах оказалось 20 тысяч таких исков.

«Моя история учит, что даже прям с фронта можно свалить. Поэтому я вообще не понимаю, как люди берут повестку. Ну пришла тебе повестка — забей хер на нее и не иди никуда. Никто даже не подозревал, что сбежать от войны грозит мне теперь немецким гражданством», — смеется дезертир.

Редактор: Егор Сковорода

1. Имя изменено.

2. Имя изменено по просьбе героя. Рахимов объяснил свою просьбу опасениями за безопасность родственников и гипотетической возможностью когда-нибудь вернуться в Россию.

3. «Медиазона» не называет конкретные подразделения по просьбе собеседника (он предоставил документальные подтверждения службы в этом полку). Название штурмового отряда неоднократно упоминалось во фронтовых сводках, данные из которых не противоречат рассказу Рахимова.

4. В разговоре с «Медиазоной» Рахимов упомянул, что находился в семи километрах от линии фронта. Проект Deepstate подтверждает эту оценку на конец 2024 года.

5. Рахимов предоставил «Медиазоне» скриншоты из приложения Alpine Quest с выданного в части телефона.

6. Рахимов рассчитывал, что ему смогут помочь выбраться из армии родственники со связями в силовых структурах.

7. «Медиазона» по просьбе героя не называет его точный возраст.

8. Она не ответила на звонки и сообщения корреспондента «Медиазоны».

9. Судя по описанию Рахимова, это был Ил-76.

10. У Рахимова уже был военный билет, оставшийся со срочной службы, но он оставался в квартире его родителей — в рамках уголовного дела о наркотиках его не изымали. Поэтому в Луганске ему выдали новый военный билет. Показать «Медиазоне» новый документ Рахимов его не смог — по его словам, сам военный билет он выбросил, а фотографий не сохранилось.

11. Звание младшего сержанта действительно указано в предоставленных им документах — справках из части и в личном кабинете военнослужащего на сайте Минобороны, доступ к которому Рахимов дал «Медиазоне».

12. Часть 52892 132-й отдельной гвардейской мотострелковой бригады, бывшая бригада сил ДНР 08803.

13. В личном кабинете военнослужащего Рахимова отображаются лишь чуть больше 500 тысяч рублей, поступивших на счет с ноября 2024 года по февраль 2025-го. По словам Рахимова, оставшиеся 1,6 млн рублей — выплата от правительства Самарской области, которая почему-то не отобразилась в личном кабинете. В феврале 2025-го — уже после того, как Рахимов подписал контракт — губернатор области Вячеслав

Федорищев сообщал, что все заключившие там контракт будут получать 2,1 млн рублей.

14. Иванов показал «Медиазоне» скриншот перевода на его счет 100 тысяч рублей со счета в «Сбере, открытого в Москве. Перевод датирован 6 января.

15. Паспортные данные этого человека есть в распоряжении «Медиазоны». Информация о нем в слитых базах совпадает с тем, что рассказал Рахимов.

16. «Медиазона» изучала этот чат, но не публикует на него ссылку.

17. «Медиазона» не публикует подробный маршрут, но он известен редакции. Рахимов доехал на автомобиле до одной из отдаленных от погранпереходов точек, а затем перешел границу пешком и оказался в населенном пункте уже на российской территории.

18. Подтверждение этого перевода Рахимов предоставить «Медиазоне» не смог.

19. По словам Рахимова, у нотариуса не возникло каких-либо вопросов о его уголовном деле. В дальнейшем мать Рахимова с этой доверенностью перепривязала к своему номеру зарплатный счет сына, когда он вновь поссорился с супругой.